

Мера терпения / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Мера терпения / рассказ МЕРА ТЕРПЕНИЯ

Катер на воздушной подушке развернулся на глади маленького затона и долго подходил к щелястой, скрипучей даже на вид пристани в виде дощатого щита. Наконец неудобно, боком, пристроился. Из-за руля вылез на доски молодой красавец в камуфляже и подал руку пассажирам. Первым на ненадежную поверхность неуклюже ступил осанистый мужчина в деловом костюме. Доски под ним крякнули, на щегольской ботинок из щели коварно плеснула вода. Мужчина недовольно фыркнул и отошел от края так называемого причала, не глядя, как атлет в одеянии с символикой МЧС помогает выбраться женщине в офисном одеянии.

За этой сценой с иронией наблюдал с берега, полого спускавшегося к плавным водам Кокшеньги, старик, заросший бородой снизу, а шевелюрой сверху до самых глаз, миндалевидных, черных, жгучих и молодых. В меховом жилете по жаре он походил на Робинзона Крузо. От знаменитого отшельника его отличало отсутствие ружья и колпака и наличие «УАЗика» системы буханка. В пересчете на автомобильный век машина явно была ровесником своего владельца.

— Александр Игоревич! — позвал рулевой. — Мне вас здесь ждать?

— Да, через часок обратно поедem, — бросил гость, обшаривая взглядом пейзаж плоского берега.

— Осмелюсь доложить, — подал голос старик от «УАЗика», — за час вы никак не обернетесь. И даже за день. Разумнее молодому человеку приехать за вами завтра утром. Ночлег я вам обеспечу.

— Вы в своем уме! — завелся с пол-оборота мужчина. — Советник губернатора не может себе позволить тратить целый день на осмотр одного объекта!..

— До церкви Фрола и Лавра — два часа пути в одну сторону, — почтительно, но твердо ответил старик. — А потом вам необходимо будет рассмотреть документы, которые я подготовил к вашему визиту. Поскольку вы приехали, так понимаю, областному

руководству небезразлична судьба уникального памятника. Моя задача – всесторонне ознакомить вас с проектом, который подготовило международное правозащитное общество «Пламя». Вечера нам хватит. А завтра, на свежую голову – домой, с материалами. Если назовете водителю плавсредства время в девять ноль-ноль – как раз будет.

– Черт-те что! – сказал советник губернатора, будто плюнул. – Не понимаю, почему это ваше общество не могло записаться на прием в правительство области со своим проектом?..

– Во-первых, церковь Фрола и Лавра необходимо увидеть своими глазами, – наставительно сказал старик. – А во-вторых, мы записывались неоднократно, два раза нам назначали время, но у губернатора и министра культуры находились срочные дела, встречу переносили. И вот, в свете поступивших из Кремля указаний о развитии внутреннего туризма, нас услышали, вашу милость прислали лично ознакомиться – все складывается отлично.

– Александр Игоревич, – негромко молвила элегантная дама, трогая локоть чиновника. – Давайте не будем спорить с уважаемым хозяином. Мы готовы осмотреть уникальную церковь, – обратилась она к старику. – И мы готовы продлить командировку до завтра, я сейчас позвоню в правительство и предупрежу... как здесь со связью?

– Здесь отлично берет интернет, – сообщил старик. – Место удивительное, как вы сами сможете убедиться. По всем законам физики, не должно быть связи – но она есть. Вы решите свои вопросы. А также, надеюсь, поможете решить и наш.

– Елена Емельянова, начальник отдела аналитики и информации министерства печати региона, – отрекомендовалась женщина старику, смотревшему на нее с легкой улыбкой.

– Имею честь вас заочно знать, Елена Сергеевна, – ответил тот, достав из кармана жилета неожиданно стильный смартфон и помахав им. – Сайт правительства региона организован очень толково. Все ответственные лица – с фотографиями. Начиная, естественно, с первых лиц, – еле заметно поклонился он советнику губернатора.

– Поваляев, – буркнул тот.

– Разумеется, знаем вас, Александр Игоревич. А я – Цеханович Вацлав Давыдович, председатель районного отделения общества «Пламя», сумасшедший краевед по совместительству, – с усмешкой представился старик. – Отпустите вашего сопровождающего до завтра. В девять ноль-ноль подъезжайте, товарищ капитан! – возвысил голос Цеханович.

– Однако! – удивился МЧС-ник. – Вы меня что, тоже в интернете нашли? Откуда звание знаете?

– Глаз наметан, – серьезно пояснил старик.

– Да поехали уже, хватит лясы точить, – нервно перебил Поваляев. – К вашей церкви, где она там...

– В урочище Кушепала близ одноименной деревни, как мы неоднократно писали в наших пояснительных записках к проекту.

... – Вы забыли указать в пояснительных записках к проекту, что до уникального объекта деревянного зодчества семь верст до небес, и все лесом, – желчно сказал Поваляев с правого сиденья кабины «УАЗа» после очередного скачка гроыхающей по колдобинам машины. – В плане доступности объекта и возможности развития туристической инфраструктуры в данной труднопроходимой зоне ваш проект сильно недоработан.

– Надеюсь, он будет доработан с вашей помощью, – невозмутимо откликнулся из-за руля Цеханович. Поваляев аж крякнул от такой наглости. – Но в труднодоступности храма есть стратегический смысл. Люди будут ощущать себя средневековыми паломниками. А то, что они увидят в конце пути, компенсирует неудобства дороги. Ведь вблизи магистралей настоящей, глубинной Руси уже не осталось – даже здесь, на севере.

– Увидим, – ядовито откликнулся Поваляев. – Если ваш объект такой уникальный, почему до сих пор о нем ни слуху ни духу не было? Куда ВООПиК смотрел в советские времена?

– В другую сторону, может, благодаря этому церковь Флора и Лавра и уцелела в первозданном виде, – ответил старик, закладывая вираж на лесной тропе так, что Емельянова соскользнула с сиденья в кузове. – Простите, Елена Сергеевна, дороги сейчас оставляют желать лучшего – но когда наш проект будет запущен, дорожная проблема решится.

На лице советника губернатора было написано все, что он думает

о сумасшедшем краеведе.

... Через обещанные два часа пути придремавшей было, несмотря на тряскую дорогу и периодическую пикировку Поваляева и Цехановича Елене Сергеевне вдруг что-то примерещилось во сне, похожее на темную резную тучу. Она подскочила на жестком насесте, открыла глаза – не примерещилось. Над полосой низкорослого кудрявого леса, где карельские березы чередовались с насупленными елями, вздымалась кровля сказочного дворца. Он надвигался как облако – как единственное черное облако в ультрамариновом небе. Емельянова почувствовала, будто церковь, к которой они так долго стремились, вошла в ее сон и предупредила о себе.

... – Вот она – деревянная красавица, церковь Флора и Лавра, уникальное строение даже для русского Севера, где одним топором без гвоздей наши предки возводили шедевры архитектуры, – без сарказма и вызова, растроганно сказал Цеханович, стоя перед храмом. – Время постройки предположительно – четырнадцатый век. Сказать с уверенностью мы не можем, но по ряду признаков архитектурных – так. Видите «волоковое окно»? – указал он на небольшой прогал между двух расположенных друг над другом бревен. – Оно изнутри «заволакивается» тесовой задвижкой. Это элемент церковной архитектуры четырнадцатого столетия. И повалы – бревна, выложенные с расширением – появились в том же веке. Благодаря им здание кверху раскрывается, как цветок...

Елена Сергеевна искренне желала, чтобы увлеченный Цеханович помолчал минуту. Она хотела впитать в себя вид компактного, на первый взгляд, храма. На второй взгляд становилось понятно, что размеры церкви грандиозны – не зря купола возвышались над лесом. Храм походил на диковинный гриб, проросший прямо из центра круглой поляны. Смуглый, точно шляпка боровика, цвет многовекового дерева усиливал сходство. Но чем больше Емельянова смотрела на церковь, тем отчетливее видела, что церковь... всматривается в нее. Всеми своими двенадцатью куполами, волоковыми окнами, резными углами скрещённых бревен – смотрит, точно живое существо. Взгляд ее был не недобрым, а испытующим. И сходство она принимала уже не с грибом, а с

многоглавым змеем, высунувшим голову из земли навстречу путникам.

– Форма кровли у нее странная, – сказала Елена Сергеевна, чтобы проверить – откликнется ли «дракон». Дракон явственно усмехнулся – чуть ли не качнулись деревянные кресты на его двенадцати главах.

– Так ведь в этом и цимес! – воскликнул Цеханович. – Понимаете? Мы привыкли, что количество куполов на храме должно быть нечетным. Только на великолепном образце деревянного зодчества в Кижях, Преображенском храме, 22 купола, но они расположены пирамидой, а здесь кровля практически плоская!.. Как наши предки могли устроить двенадцать куполов? И почему именно двенадцать? По числу апостолов? В честь двенадцатых праздников? Загадка на загадке, ими надо заниматься!..

– Так в чем ценность вот этой постройки, ради которой вы меня с работы на день выдернули? – неприятным голосом спросил Поваляев. – Стоит она с четырнадцатого века – и пусть стоит себе!.. Слава богу, ремонта не требует. На реставрацию в очередь не возьмем, не надейтесь. Я по образованию строитель, она еще сто лет простоит!..

– Уважаемый Александр Игоревич! – задержался, как под током, Цеханович. – «Пламя» три раза подавало вам полностью расписанный проект!.. Создание музея-заповедника уникального деревянного храма – раз! Формирование штата музея-заповедника из специалистов, изучение истории и особенностей памятника старины – два! Включение музея-заповедника церкви Фрола и Лавра в экскурсионный межобластной маршрут «Секреты Русского Севера» – три! Чтобы музей мог обеспечивать сам себя, а не рассчитывать только на дотации! Но для этого потребуются создание дорожной и туристической инфраструктуры в Кушепале для гостей. Это четыре. Организация регулярных экскурсий, в первую очередь для детей!.. Эта церковь – живой свидетель шести веков истории русского Севера! По преданию, она построена на месте, где было святилище чуди – коренного народа нашей земли! Ростовские и суздальские купцы первыми пришли сюда, торговали с чудью, за ними пожаловали люди государевы, на севере промышленность начала развиваться, крестьян к

заводам приписывали, но здесь территория слыла свободной, сюда крестьяне от бар бежали, здесь сложилась своя культура, хозяйство, фольклор, правила жизни – все это толковые экскурсоводы могут подать юношеству, как приключенческий роман! Я сам готов экскурсии водить!.. Наша церковь станет известна, как Нотр-Дам де Пари!..

– У вас все очень просто, потому что вы ничего не понимаете в организации, – брюзгливо заговорил Поваляев, отбросив приличия. На протяжении десяти минут он перечислял растерянному Цехановичу, почему его план не может быть реализован никогда. В ход пошло и отсутствие нормальной дороги, и средств в областном бюджете на ее строительство, да и на создание новой штатной единицы. И сомнительная историческая ценность объекта, который до музеефикации должен пройти сотню экспертиз – а как их устроить в этой тундре, стоит ли овчинка выделки?.. И то, что упомянутые вами Кижы фактически под боком, там все налажено, кто в такую даль поедет на двенадцатиглавую церковь смотреть!.. И очень странно, что никаких официальных документов об этой церкви не было составлено в советское время!.. Она как из ничего возникла!..

– Вы хотите сказать, что я сам ее построил? – полыхнул Цеханович. – О ней свидетельства есть в Подвинской летописи!.. И метрические книги ее хранились в консистории, их члены ученой архивной комиссии изучали до революции, местный священник-историк Тюльпанов заметки составил по истории церкви!

– Ну, и куда же делись? – любопытно спросил Поваляев ехидно.

– Сгорели в восемнадцатом году! – признал Цеханович.

– Значит, – назидательно продолжил советник, – исторических свидетельств ценности этого храма нет! И музей делать преждевременно! Мало ли что там ваш Лютиков понаписал... Тюльпанов... один черт.

Смеркалось, в долгий летний день исподволь, по капле, просачивался долгий летний вечер. Свет на поляне стал пепельным, и на его фоне церковь показалась Емельяновой еще более зловещей.

– Александр Игоревич, – мягко сказала она, – я составлю докладную записку о нашей экспедиции. Включу туда все соображения уважаемого Вацлава Давыдовича. Такие вопросы надо решать коллегиально. Вацлав Давыдович, вы обещали устроить нас на ночлег – может быть, там и продолжим разговор? Тут что, есть гостиница?

– Тут есть мой собственный дом в деревне Кушепала, – ответствовал Цеханович, – который на сегодня станет гостиницей для представителей администрации, а я переночую на сеновале.

... – Елена Сергеевна! – схватил Емельянову за локоть Поваляев, когда они вылезли из «УАЗика» возле разлапистого деревянного дома, крайнего на единственной улице деревеньки, затерянной в лесу, точно семейка грибов. – На два слова! Вы, уважаемый хозяин, идите в дом, чайник, что ли, поставьте...

Цеханович выразительно посмотрел на обоих и побрел во двор по тропинке, выложенной досками.

– Елена Сергеевна, – свистящим шепотом заговорил Поваляев, – ну, вы уже поняли, зачем нужно было ваше присутствие. Начинаем кампанию за снос церкви и строительство в Кушепале реабилитационного центра для государственных служащих. Для наших целей место просто блеск! Раньше о нем не знали, вовремя этот чудик подвернулся со своим проектом!.. Организуете серию, не мне вас учить – письма от общественности, заметки о происшествиях на этом якобы памятнике старины – мол, там ребенка бревном убило...

– Вы же говорили, что она еще сто лет простоит, – шепнула Емельянова. – Не поверит никто, что она разваливается...

– А вы сделайте, чтоб поверили! – отмахнулся советник. – Ладно, не убило, просто бревна падают. Исторической ценности никакой. Ратуют за создание музейного центра подозрительные личности, иноагенты – знаем мы это «Пламя», тот же «Не забывай!», только в профиль!.. На гранты от иностранных государств живут, родину продают!.. Шум подняли из-за одной гнилушки, когда в области не решена проблема борьбы с социальными заболеваниями и противостояния стрессам...

– Александр Игоревич, – бес упрямства обуял Елену Сергеевну, – для реабилитационного центра выбрано прекрасное место на

Пинеге, смысл переносить его в такую глушь, куда, как вы сами всю дорогу ворчали, только самолетом можно долететь?

– Вы что, голубушка, совсем? – сощурился Поваляев. – Именно потому, что место уединенное, посторонних не встретишь, не будут эти правозащитники шастать вокруг, квадрокоптеры запускать, разоблачениями грозить...

– Так здесь же правозащитник под боком!

– А это ненадолго, – с нажимом сказал Поваляев. – Думаете, мы о нем ничего не знаем?.. «Наша земля», тоже мне... Давно ли эта земля Рабиновичей?.. Но вы пока его не трогайте, сосредоточьтесь на попытках фальсификации, придумывания исторического значения бестолковому объекту...

...В сером воздухе белой ночи все предметы меняли очертания и расплывались. Елена Сергеевна, выйдя из душноватого дома, задохнулась от ночной прохлады. Первозданная тишина окутала ее, как вата.

На другом конце длинного дома-кошеля мерцал красный огонек, тянуло дымом. Вацлав Цеханович с сигаретой в зубах сидел на взвозе, ведущем в сеновал, где он собирался ночевать. Елена Сергеевна решительно направилась к старику.

– Не спится? – тихо спросил тот.

– Сигаретки не будет? – ответила она вопросом на вопрос. Цеханович усмехнулся:

– Вы вряд ли такие курите. «Беломор» у меня. Хотя какой теперь «Беломор»... Название только...

– Я вообще не курю, – призналась Емельянова. – Разнервничалась. Вацлав Давыдович, вы не понимаете, что натворили?! Наслаждались бы сами красотой этого храма, детишкам местным его показывали – если здесь, конечно, есть дети!.. Зачем вам понадобилось проект писать? Представляете, что теперь будет? Её же снесут...

– Я так и подумал, – равнодушно бросил старик.

– И вы так спокойно об этом говорите?!

– А может, и не снесут, – загадочно продолжал Цеханович, не глядя на Елену Сергеевну. Она присела на взвоз, вытащила «беломорину» из мятой пачки.

– Готовясь ехать сюда, я кое-что изучила. Про церковь и в том

числе про вас. В архивах.

– Умеете работать с архивами?

– Историко-архивный кончала. Ваше уголовное дело видела.

– Это ведь в конторе глубинного бурения, – опять усмехнулся старик. – Простите, я по старинке.

– Вы альтернативной историей занимались? Как в деле сказано, ненаучными измышлениями...

– Да. И выслан через год после того, как тунейдец в Норенскую попал. Наш процесс показательным делать не стали. Побоялись. На своих ошибках выучились... Разослали членов нашей научной группы по разным местам. Мне очень повезло с «распределением» на Кокшеньгу – те, кто в Норильск и в Инту угодили, уже в земле... Но какое это теперь имеет значение?

– Да такое, – затянувшись, сказала Елена Сергеевна, – что вы знаете об этой церкви больше, чем говорите. И о ее куполах. Старик искоса глянул на Емельянову с толикой уважения.

– Подвинская летопись описывает ее как деревянную часовню об одной главе, которую новгородцы поставили, когда удачно «заратились» с чудью, в знак своей победы, на месте их святилища в пятнадцатом веке. А в список Подвинской летописи семнадцатого столетия из Кириллова одна глава добавлена попом Феофилом – в ней у церкви Фрола и Лавра уже пять куполов, и часовней ее никто не называет.

– Расстроили храм. Бывало.

– А помните, что Тюльпанов писал со слов местной чуди в конце девятнадцатого века? Как тут экспедиция петровская пропала, которая шла аборигенов под ружье ставить? Точнее, офицер пропал, солдаты разбежались. А у церкви в петровские времена было семь куполов...

– Преданья старины глубокой, – с улыбкой выдал Цеханович. – Кто там знает, как оно на самом деле было – вы, как историк-архивист, со мной не можете не согласиться... Изображений церкви Фрола и Лавра от тех веков не сохранилось.

– Если не считать фотографии Прокудина-Горского, сделанной в 1913 году, на которой на церкви девять куполов, а в местных газетах шли статьи о том, что здесь судебный следователь бесследно исчез, который прибыл дело о секте каннибалов

расследовать. В 1912-м. Вроде хотели местных жителей в каннибальстве обвинить, выслать в Сибирь, а лес на вырубку пустить, но заглохло дело, и все осталось как было.

— В этих краях много кто без вести пропал, — старик закурил новую папиросу. — Даже секретарь райкома товарищ Деев. В аккурат накануне того, как мне здесь навеки поселиться. Он начал борьбу с пережитками прошлого, хотел все храмы снести, в том числе и этот. Его исчезновение на местного пьянчугу и забияку повесили, который жену и тещу убил топором в белой горячке. Решили, что товарищ Деев встретился с ним в ходе рабочей поездки по области. Пьянчуге вышку дали, а вот храмы с тех пор никто не трогал.

— Так теперь тронут! — не выдержала Елена Сергеевна. — Я вас предупредить хочу! Вы, может, сами не понимаете, какое гнездо разворошили!..

— Вы же сами из этого гнезда, — хмыкнул Цеханович.

— У меня дети. Ради них терплю. Тьфу, не так сказала, — она смешалась.

— У всех нас есть, ради кого терпеть... — философски заметил краевед. — У людей. А вот у них другая мера терпения. И ценностей тоже.

— Вы это про кого сейчас?

— Идите спать, уважаемая Елена Сергеевна. Вам вставать через час, чтобы я вас с товарищем Поваляевым довез до причала как раз к девяти часам. Доброй ночи, сладких снов!

... — Александр Игоревич! — кричала поутру Елена Сергеевна, бегая по комнате, хотя бегать там было негде — половину пространства занимала русская печка, вторую перегораживал крестьянский стол и лавки, на которых они с Поваляевым спали.

— Александр Игоревич! — позвала она, приоткрыв окно. — Да что ж это?! — ушибив обе коленки об углы лавок, она вывалилась из дома через узкие темные сени. Во дворе не было никого. Куда-то пропал даже Цеханович. Но на краю двора притулился вчерашний «УАЗик», и женщина кинулась к нему как к родному и досадливо плюнула — внутри никто не сидел, ни старик за рулем, ни советник губернатора в кабине.

Емельянова оглянулась. Ей показалось, что она осталась

совершенно одна в этом вековечном необитаемом пространстве, окруженная только лесом. Купола церкви Фрола и Лавра возвышались над деревьями. Вчера они долго ехали в машине от храма до дома старика, а теперь деревянная церковь словно подступила совсем близко. Из плоской крыши на Елену Сергеевну внимательно смотрели тринадцать глав.

* Рассказ вошел в шорт-лист литературного «Петроглиф» восьмого сезона (2020 года).

Об авторе: ЕЛЕНА САФРОНОВА

Литературный критик, прозаик. Работает в жанре критической публицистики, рецензирует книги известных современных авторов. Член Русского ПЕН-центра, Союзов писателей Москвы, российских писателей, журналистов России. Neкаýalar